

ГЛЕБ ПИЛИПЕНКО [GLEB PILIPENKO]

УНГАРИЗМЫ В ЛЕКСИКЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ У ПРЕКМУРСКИХ И ПОРАБСКИХ СЛОВЕНЦЕВ

COBISS: 1.01

[HTTPS://DOI.ORG/10.3986/JZ.V25I1.7562](https://doi.org/10.3986/jz.v25i1.7562)

Madžarizmi v besedišču ljudske kulture Slovencev v Prekmurju in Porabju

Prispevek obravnava izposojenke iz madžarskega jezika v ljudski kulturi prekmurskih in porabskih Slovencev. Madžarizmi so bili zbrani v času terenske raziskave v Prekmurju in Porabju leta 2018, njihov pomen in raba pa sta bila preverjena v leksikografskih virih. Veliko izposojenk iz madžarščine se uporablja širše, kot je opisano v slovarjih. Poleg tega nekatere besede niso bile vključene v slovarje, vendar jih informatorji uporabljajo zelo aktivno tako v Prekmurju kot v Porabju. Obravnavane besede so ponazorjene s primeri iz zbranega terenskega gradiva.

Ključne besede: prekmursko narečje, slovenščina, madžarščina, jezikovni stiki, izposojenke, ljudska kultura

Hungarian Loanwords in the Folk Culture of Slovenians in Prekmurje and the Rába Valley

This article deals with loanwords from Hungarian in the traditional culture of Slovenians in Prekmurje and the Rába Valley (Sln. *Porabje*, Hung. *Muravidék*). Loanwords from Hungarian were gathered during fieldwork in Prekmurje and the Rába Valley in 2018. Their meanings and use were checked in lexicographic sources. Many words function more widely than indicated in dictionaries. Some words are not included in them but are used actively in informants' speech. The lexemes discussed are exemplified with field notes.

Keywords: Prekmurje dialect, Slovenian, Hungarian, language contact, loanwords, folk culture

- 0 Изучению унгаризмов на прекурском языковом материале посвящено несколько значимых работ. Заимствования из венгерского отмечаются и в словарях прекурского и словенского языков. Однако отдельного рассмотрения до сих пор не получила заимствованная из венгерского языка лексика традиционной народной культуры. Следует отметить, что даже те работы, в которых анализируются унгаризмы, по большей части основаны на письменных источниках, данных, зафиксированных в то время, когда еще активно функционировал прекурский литературный язык (например, Novak 2006; Dudás 2011; 2015), т.е. период более 100 лет назад. Данные жи-

вого языка практически остаются без внимания (за исключением некоторых работ, например Koletnik 2007), тогда как они представляются чрезвычайно важными в силу произошедших языковых изменений в прекмурском (и порабском) наречии, а также в силу разной языковой ситуации в двух пограничных областях (на границе Венгрии и Словении) некогда единого языкового пространства.

Группа исследователей Института славяноведения РАН провела экспедицию в Прекмурье и Порабье в мае 2018 года с целью изучения архаических и инновационных процессов в языке и культуре словенцев данного края.¹ Основой для написания настоящей статьи послужили наблюдения за функционированием заимствованной лексики в языке информантов, что позволило уточнить особенности ее использования в речи прекмурцев и порабцев. Затем для анализа были привлечены дополнительные источники (монографии, словари) как относящиеся к словенскому языку, так и к сопредельным близкородственным языкам (хорватские, градищанско-хорватские, сербские), отчасти был привлечен и типологически сходный закарпатский материал, ранее записанный автором в полевых условиях. Выбор языков для сопоставления определялся тем, что народы, говорящие на них, также входили в состав Венгерского королевства и в этих языках встречаются подобные заимствования из венгерского.

Историческая судьба Прекмурья тесно связана с развитием Венгерского королевства. Таким образом, прекмурские земли не входили в состав Австрии, где находилась большая часть словенской этнической территории. В составе одного со словенцами государства Прекмурье оказалось только после Первой мировой войны. Длительное время роль литературного языка у прекмурцев выполнял кайкавский язык (Dudás 2011: 36), имело значение также подчинение этих земель Загребскому епископу, поскольку из Загреба шло распространение литературы на кайкавском языке. Изолированность Прекмурья от других словенских земель, а также многовековое сосуществование в венгерском административном и культурном пространстве безусловно сказалось на языке. Унгаризмы составляют достаточно большой процент прекмурской лексики, непонятной остальным словенцам. Именно на этой территории по данным ОЛА концентрируется большая часть унгаризмов (ОЛА 2015: карта № 33). Венгерские заимство-

1 В составе экспедиции работали д.ф.н. А.В. Гура (в Прекмурье), к.ф.н. М.В. Ясинская, к.ф.н. Г.П. Пилипенко (Прекмурье и Порабье). Подробнее см. Пилипенко – Ясинская 2018. За помощь в проведении экспедиции выражаем благодарность сотруднику Помурского регионального музея (Мурска-Собота, Словения) Елке Пшайд, а также главному редактору газеты «Порабье» Мариане Сукич (Сентготтард, Венгрия). В Прекмурье были проведены интервью с информантами из населенных пунктов: Мурска-Собота, Неделица, Гентеровцы, Крижевцы, Горни-Петровцы, в Порабье – Фельшёсельнёк, Апатиштванфалва, Сентготтард, Саконьфалу, Орфалу.

вания в прекмурских и порабских говорах относятся к разным семантическим группам (например, кулинария, административные термины, название животных, растений, строений, природных объектов, состояния человека и т.д.). Приведем слова, которые до сих пор функционируют в речи собеседников (среди них есть и так называемые обратные славизмы): *alomaš* (станция, венг. *állomás*), *banda* (музыкальный ансамбль, оркестр, венг. *banda*), *bauta* (магазин, венг. *bolt*), *betežen* (больной, венг. *beteg*), *biróf* (судья, венг. *biró*), *fálát* (кусочек, венг. *falat*), *goula* (аист, венг. *gólya*), *gulaš* (гуляш, венг. *gulyás*), *kočdiš* (нищий, венг. *koldus*), *krumpli* (картофель, венг. *krumpli*), *palinka* (палинка – водка из фруктов, венг. *pálinka*), *paprikaš* (паприкаш, венг. *paprikás*), *pejnze* (деньги, венг. *pénz*), *varoš* (город, венг. *város*)² и др. В прекмурском литературном языке, который и сегодня используется лишь отчасти в евангелистской лютеранской церкви в богослужении, сохранились следы венгерского синтаксиса, порядка слов (ср. Пилипенко 2011). В ходе проведения полевого исследования наше внимание привлекли термины из области традиционной культуры, активно используемые информантами по сей день.³ Как выяснилось, многие из этих терминов не зафиксированы в имеющихся описаниях прекмурского наречия, словарях и т.д. Таким образом, наша задача состояла в уточнении их значения, фиксации контекстов употребления и отчасти в выяснении их происхождения у самих информантов.

В ходе интервью информантами довольно часто реализуется стратегия метаязыкового комментирования, уточнения и пояснения отдельных прекмурских лексем, которые могут быть непонятны носителям словенского литературного языка. Именно такими лексемами являются унгаризмы, которые и поясняют собеседники. Ниже приведем несколько примеров данной дискурсивной стратегии от информантов из Прекмурья и Порабья.⁴ Отличие порабцев от прекмурцев состоит в том числе в частотности комментирования лексем. Порабцы делают метаязыковые комментарии реже, поскольку большинство из них в отличие от прекмурцев не знакомы с литературным словенским языком.

2 Обычно в Прекмурье под словом *varoš* подразумевают центральный город Мурска-Соботу, в Порабье *varoš* используют для обозначения центра округа города Сентготтард (венг. *Szentgotthárd*, словен. *Monošter*). При этом само название города не используется.

3 Нами учитывались не только собственно термины народной культуры, но и общеупотребительные лексемы, которые используются в контексте описания каких-либо явлений духовной культуры. Внимание в первую очередь уделялось лексике, отмеченной в вопросе (Плотникова 2009).

4 Примеры даны в упрощенной транскрипции с отражением наиболее типичных прекмурских и порабских фонетических особенностей, например: наличие дифтонгов, огубленного *â*, звуков *ö, ü*, оглушение *v*. В цитируемых оригинальных нарративах запятая обозначает паузу.

- 0.1 *Samo s tistin novinami hodi pa začne preklinjati po dvorišču, preklinja, klöbük, kolápoš,⁵ mi smo pravili kolápoš, klöbüke nej, kolápoš, začne dol metati* (Он только с этой газетой ходит и как начнет ругаться во дворе, ругается, шляпу, *kolápoš*, мы говорили *kolápoš*, шляпы (*klöbük*), *kolápoš*, начнет бросать) (Горни-Петровцы).
- 0.2 *Še vedno je pa običaj ka se o pou noči ka se preobleče nevesta, sleče bejlo obleko, se preobleče, ka se potem čevelj züje, nej, pončok pravijo na Goričkon, mi pravimo, ja, cipele,⁶ ne, in potem je tisto na dražbi, na licitaciji, ne, ko potem tiste pejneze⁷ zbirajo, denar zbirajo za tisti čevelj, nevestin* (Все еще сохранился обычай, когда в полночь невеста переодевается, снимает белое платье, переодевается, потом снимает туфли, *pončok* говорят в регионе Горичко, мы говорим *cipele*, да, и потом это на аукционе, на торгах, да, потом эти *peneze* собирают, деньги собирают для этих туфель, невесты) (Мурска-Собота).
- 0.3 *Vemo da od jezer,⁸ jezeru, al kak vi pravite tisoč, razumeš? Ne jezero, tisoč* (Мы знаем, что от *jezer*, *jezeru*, или как вы говорите тысяча, ты понимаешь? Не *jezero*, *tisoč*) (Сентготтард).
- 0.4 *So ešče odli, e-e, kāk to pravi, gda je pusta, tisti štiri nadela, pa še betlehemeš,⁹ kāk to pravite vej, d'o na ven, betlehemeštja, tan so tūd pojbišče odli ka so nosili male Jezuša ... to je bilo, december* (Еще ходили, э-э, как сказать, когда пост, три-четыре недели, *betlehemeš*, как это вы говорите, я не знаю, *betlehemeštja* («вифлеемцы») там также парни ходили, которые носили маленького Иисуса ... это было, в декабре) (Апатиштванфалва).

В примерах представлена лексика из разных сфер, в том числе, из области традиционной народной культуры (венг. *betlehemes*). В 0.4 собеседница не смогла подобрать эквивалент лексеме, показательно, что именно это слово вызвало у нее необходимость комментирования.

Ниже будут рассмотрены в алфавитном порядке термины, относящиеся исключительно к сфере традиционной народной культуры. Следует отметить, что даже на такой небольшой территории, которую занимают прекмурские и порабские диалекты, различия между говорами значительные,¹⁰ в том

5 Венг. *kalap* 'шляпа', хотя *kalapos* (с суффиксом *-s*) является прилагательным, производным от *kalap*, а также обозначает мастера, занимающегося изготовлением шляп.

6 Венг. *cipő* 'туфли', обувь.

7 Венг. *pénz* 'деньги'.

8 Венг. *ezer* 'тысяча'.

9 Венг. *betlehemes* 'вифлеемский', собирательное название сенок с песнями и рецитациями, а также исполнителей этих сенок и песен (MNL 1: 593).

10 В прекмурскую группу входят говоры северные, центральные и южные (Ramovš 1935: 183), в Порабье различают говоры Горни-Сеника (венг. *Felsőszölnök*) и села Штевановцы (венг. *Apátistvánfalva*).

числе и в сфере лексики, на что обращают внимания и наши информанты. Многие слова имеют синонимы, либо информанты знают несколько слов из разных говоров, поскольку они могут бытовать в соседних селах, отстоящих друг от друга на небольшом расстоянии.

1 Для обозначения окончания работ, например, при строительстве дома или сбора урожая в поле, используется лексема *adomaš*:

1.1 *Te je bič adomaš, zaključek ... za fsako delo je bič adomaš, recimo žetef je trajala sedem po petnajst dni lejko, stroj za mlatitef ... mlatilnica, gda je v ves prišeč smo okrasili pa da je z vesi šeč, smo okrasili z mašinskimi rožami, žute rože, fsaka iža mela mašinske rože* (GP). (Это был **адомаши**, окончание ... для любой работы был **адомаши**, скажем, жатва длилась семь, по пятнадцать дней могла, молотилка ... когда приезжала в деревню, мы украшали, и когда уезжала из деревни, мы украшали «машинными» цветами, желтые цветы, каждый дом имел «машинные» цветы) (Горни-Петровцы).

В венгерском языке слово *áldomás* имеет следующее значение: ‘общий пир во время окончания работы в общине, во время сбора урожая, а также во время выборов на какую-то должность’ (MNL 1: 61), ‘пир, угощение, по случаю успешного мероприятия, законченной работы, победы, успеха и т.д.’ (MNYÉSz 1: 129). Данное слово является производным от глагола *áldoz-* ‘приносить жертву’, имеющего финно-угорское происхождение (*áld-*); вероятно, первоначально угощение по случаю окончания работы, сопровождалось жертвоприношением¹¹ (MNYTESz 1: 131). В. Новак в словаре говора села Бельтинцы приводит две формы слова *adomaš* и *odomaš* (основная)¹² (Novak 1996: 84) в значении ‘*likof* (пир после законченной работы)’ со следующей иллюстрацией: *odomáš so pili po veľkon dèli* («адомаш» пили после большой работы). В словаре литературного прекмурского языка В. Новак также указывает на схожее значение лексемы *adomaš*: ‘*pitje po velikem delu, napitnica* (пир после большой работы, тост)’ (Novak 2006: 1). М. Плелершник фиксирует слово *aldomaš* с толкованием: ‘подарок, питье для работников после законченной работы’ (Pleteršnik 2010–2014) и с пометой, что оно известно также в Восточной Штирии. В словацком диалекте на территории Венгрии в Пилишсанто выражение *ol-domáš pili* используется в значении ‘*Kauftrunk*’ (Gregor 1975: 251). Л. Хадрович отмечает *aldomaš, jadomaš, aldamaš* в значении *Kauftrunk, Belohnung, Trinkgeld* (обмывание покупки, вознаграждение, чаевые) для хорватских кайкавских письменных текстов (Hadrovics 1985: 113–114) и пишет, что изначально в

11 Ср. также в прекмурском заимствованный в близком значении из венгерского глагол *al-dívàti* – дарить, жертвовать (с сохранением *l* перед *d!*) (Novak 2006: 2), а также в кайкавском *alduvanje* – жертвование (Hadrovics 1985: 114).

12 Передача венгерских *a* и *o* часто различается в языке-реципиенте, ср. Hadrovics 1985: 47.

кайкавских и чакавских текстах это слово использовалось как термин из юридической области. Параллельно даются такие слова как *aldomašar*, *aldomašnik*, означающие свидетеля при покупке. В словаре сербскохорватского языка находим *aldomaš* и *aldumaš* с таким пояснением: *piće koje se plaće pri kupovini ili prodaji* (питье, за которое платят при покупке или продаже) (RSKJ 1: 65). Воеводинским сербским говорам это слово известно в следующих формах: *алдамаш*, *алдомас*, *алдомаш*, *алдумаш* (РСГВ 1: 44) и обозначает «угощение по случаю успешной продажи или покупки», а также «чествование по случаю крестин или свадьбы». П. Скок указывает на то, что этот термин переняли все народы, в том числе и словенцы, которые граничат с венграми (ERHSJ 1: 26). В закарпатском селе Изя для обозначения окончания какой-либо большой работы используется слово *алдомаш*, хотя сейчас, как отмечают информанты, оно постепенно уходит, а все больше используется лексема *магарыч* (ПМА).

- 2 В языках региона Карпатского бассейна известен термин с корнем *bosork*- для обозначения ведьмы: ср. закарпатские диалекты – *босоркиня*, *босоркун* (ПМА), кайкавские хорватские диалекты – *bosorka* (Hadrovics 1985: 154), словацкий диалект Пилишанто – *bosorák*, *bosorka* (Gregor 1975: 207), кайкавский в на территории Венгрии в Фертёхомоке (Houtzagers 1999: 233), воеводинские сербские говоры – *босорка* (РСГВ 1: 127), см. также данные ОЛА (ОЛА 2015: карта № 21, лексемы (*bosork*)-а и (*bosorkan*)-ь-а), и работы (Усачева 2008; Валленцова 2018). В венгерском языке используется слово *boszorkányu* для наименования женщины, занимающейся колдовством, а также как собирательное для обозначения старой женщины (MNL 1: 346–348). Данное слово является по происхождению тюркизмом (ср. узб. *basârğan* ‘ведьма’), в венгерских диалектах известен термин *boszorka* (см. также Ващенко 2014: 299–300), откуда проникло в словацкий литературный язык – *bosorka* (MNYTESz 1: 351–352). Однако в Прекмурье и Порабье чаще всего известно либо заимствование из немецкого: *comprnica*, *cumprnica*, *coprnica* (нем. *zaubern*), либо термины *čaralica*, *čalarica*¹³ (записано повсеместно в Прекмурье и Порабье). Ср. комментарий информанта из Порабья об использовании этих слов:

13 Термин *čalarica* тем не менее не настолько однозначен в трактовке, как может показаться на первый взгляд (например, при кажущейся метатезе *r-l*). В говоре села Белтинцы известно слово *čalären* ‘обманчивый’ (Novak 1996: 29), заимствованное из венгерского *csalárd* ‘обманчивый’ (ср. венг. *csalni* ‘обманывать’). В литературном прекмурском языке находим такие слова *čalarni* (*čelarni*) ‘обманчивый’, *čalarno* ‘обманчиво’, *čalarnost* ‘обманчивость’, *čalejr* ‘обманщик, колдун’, *čalejriti* ‘обмануть, околдовать’, *čalarija* ‘колдовство’ (Novak 2006: 33). Также нами в Порабье записана лексема *čaler/čalejr*, обозначающая знахаря (как мужчину, так и женщину). В литературном словенском зафиксировано только *čelaren*, *čalaren* ‘необычный, таинственный’ (SSKJ 1: 275, 285). П. Скок указывает, что существует и хорватско-кайкавское слово *čalaran* ‘обманчивый’, *čalarija* ‘обман’ (ERHSJ 1: 291) и отсылает к венгерскому первоисточнику – слову *csalárd* (корень *csal-* имеет неизвестное происхождение (MNYTESz 1: 471)). Вероятно,

- 2.1 *Boszorkány* to je madžarska beseda za čarovljico, mi ne pravimo bosorka, mi pravimo **čalarica, čaralica** (*Boszorkány* это венгерское слово для колдуньи, мы не говорим *bosorka*, мы говорим *čalarica, čaralica*) (Саконьфалу).

Дериваты с корнем *bosork-* не фиксируются в прекмурских и словенских словарях, в отличие от других наименований, однако в ходе полевой работы нам удалось записать этот термин от информанта из села Гентеровцы, расположенного в зоне венгерско-словенской этнической границы. Там это слово оказалось известно (вероятно, в виду распространенного двуязычия местного населения). Приведем пример:

- 2.2 *Bosorka je madžarsko-slovenski izraz, bosorka, Slovenci pravijo, to je hudobna ženska, ki ma eno moč, oziroma ma takšno psihološko nadvlado ka obvlada ove pod sebof ... sirile mlejko, ali pa na vrtu nič nej raslo, kokoška je crknila brez veze, ne vem zakoj, bosorka je zacomprala* (*Bosorka* – это венгерско-словенское слово, *bosorka*, словенцы говорят, это злая женщина, у которой есть сила, т.е. у нее есть психологическое преимущество, подчинять себе всех ... они портили молоко, или в огороде ничего не росло, курица сдохла без причины, не знаю почему, ведьма наколдовала) (Гентеровцы).

Собеседница приводит основные характеристики данного мифологического персонажа, акцентирует внимание на вредоносных функциях. При этом она упоминает, что термин знаком как венграм в Словении, так и самим словенцам, и в качестве доказательства приводит пример использования этого слова: *bosorka je zacomprala*. В других населенных пунктах Прекмурья, где проводилось исследование, а также, что удивительно, на территории Порабья в самой Венгрии, информанты называли другие лексемы, либо отсылали к венгерскому языку и венгерской традиции. По всей видимости, данная лексема активно используется только на территории Словении в районе словенско-венгерской языковой границы, наверное поэтому и не была включена в лексикографические источники.

- 3 Праздник покровителя церкви (у католиков) повсеместно в Прекмурье известен под названием *proščénje*. В следующем высказывании собеседник из Неделицы противопоставляет общесловенское и прекмурское название этого праздника:

- 3.1 *Za proščénje, v Sloveniji pravijo da majo žegnanje, tukaj proščénje, proška, proščinski mač* (На храмовый праздник [покровителя церкви], в Словении

► помимо чисто фонетических процессов и фонетического подобия могла сыграть роль и народная этимологизация, сближение с венгерским заимствованием, тем более что по значению эти слова близки (что и проявляется в синонимии).

говорят, что у них *žegnanje*, здесь *proščénje*, *proška*, *proščinski mač* [пир по случаю храмового праздника]) (Неделица).

В качестве синонима к нему может выступать лексема *buča*, которая, однако, нами не была зафиксирована в живом бытовании, а была сообщена коллегами, занимающимися полевой работой в Прекмуре.¹⁴ Очевидно, это слово является заимствованием из венгерского языка (ср. венг. *búcsú*). Если посмотреть на семантическое наполнение трех лексем, выясняется, что все они имеют общий компонент «прощения»: ср. словен. *žegnanje* ‘прощание/прощение’, прек. *proščénje*, венг. *búcsú* ‘прощание’.¹⁵ Собственно венгерское слово имеет несколько значений, одно из которых напрямую связано с праздником покровителя церкви и паломничеством верующих на этот праздник (MNL 1: 376–378; MNyÉSz 1: 724). Предполагается, что это слово имеет пратюркскую основу в венгерском языке и связано с корнем *bocsát* (извинить, простить), а значение праздника покровителя церкви возникло таким образом, что отпущение грехов можно было получить, приняв участие в праздновании и паломничестве в этот день (MNyTESz 1: 376–377). В прекмурских словарях и словарях словенского языка *buča* не фиксируется, отмечается лишь *proščénje*, которое имеет два значения – праздник покровителя и прощание (Novak 2006: 586).¹⁶ В. Новак указывает на первоначальное кайкавское влияние (Novak 1996: 119). *Proščénje* известно также в Восточной Штирии (SSKJ 4: 85). Единственное упоминание этого термина встретилось в небольшом словаре порабских и венгерских слов, опубликованном в материалах М. Матичетова из Порабья: *buča – proščénje* (от венг. *búcsú*) (Kozar Mukič – Mukič – Kropelj Telban 2017: 387). По всей видимости, лексема *buča* постепенно вытесняется из прекмурского языка, поэтому она выходит из активного употребления в речи информантов и не находит отражения в лексикографических источниках.

- 4 Венгерские заимствования для обозначения кладбища используются в разных славянских диалектах, граничащих с венгерской этнической территорией, например, в центральных закарпатских говорах *temetu* (ср. венг. *temető*) (ПМА), а также данные атласа закарпатских говоров: *te^ume^um⁽ⁱ⁾iv*, *te^ume^um[’]uv*, *te^ume^um⁽ⁱ⁾üv* (Дзэндзелівський 1958: карта № 34). Не является исключением и прекмурская языковая территория, здесь функционирует заимствованное слово *cintor*, образованное от венгерского *cinterem*, ко-

14 За предоставленную информацию выражаем благодарность сотруднику Помурского музея Елке Пшайд (Мурска-Собота).

15 Л. Хадрович устанавливает параллелизм в синтаксических кальках с глагольным управлением в кайкавском языке с глаголами данного корня: *proščénje uzeti/jemati – búcsút vesz* (Hadvovics 1985: 83).

16 Во время наших полевых исследований в Воеводине (Сербия) удалось записать слово *буч* в значении «храмовый праздник», однако в РСГВ данное слово отсутствует.

торое в самом венгерском языке обозначает ‘кладбище, гробницу, склеп’ (MNYÉSz 1: 799). Нужно сказать, что *cinterem* пришло в венгерский язык из латыни, куда в свою очередь попало из греческого, ср. лат. *coemeterium*, греч. *κοιμητήριον* (MNYTESz 1: 443–444). Финальный элемент слова *-terem* в венгерском языке представляет собой результат действия народной этимологизации (*terem* в венгерском языке является славизмом и переводится на русский как «пространство, помещение»). Помимо обозначения кладбища это слово в венгерском языке используется для наименования гербового, рыцарского зала в замке (MNYÉSz 1: 799). В. Новак указывает на то, что это слово пришло в бельтинский говор из древневенгерского *cinterem*, а также приводит латинский и греческий источники (Novak 1996: 26). В SSKJ при слове *cintor* дается прямая отсылка к прекмурскому наречию (SSKJ 1: 256). В словаре литературного прекмурского языка находим это слово, а также синонимичное ему *brütöf*, которое, по нашим полевым записям, известно в области Горичко (*brütöf*) (Novak 2006: 29). В кайкавских источниках отмечены формы *cintorom*, *cintor* (Hadrovics 1985: 167). П. Скок указывает на посредничество венгерского языка при адаптации этого латинизма в языке хорватов в Венгрии и словаков (*cintar*) и у хорватов-кайкавцев (*cintorom*) (ERHSJ 1: 256). У бургенландских хорватов известна форма *cimitor*, которая по мнению Л. Хадровича является контаминацией слов *cimiter* и *cintor* (Hadrovics 1985: 167), у градищанских хорватов на словацко-венгерском пограничье также известна лексема *cimiter* (Плотникова 2018). *Cimîter* у хорватов-кайкавцев в Фертёхомоке обозначает только ‘церковный двор’ (Houtzagers 1999: 236), похожее значение фиксируется в словаре сербскохорватского языка – ‘пространство около церкви, огороженное стеной, кладбище’ (RSKJ 1: 801). *Cinter* и *cinterin* в языке словаков в Пилишсанто также значит ‘кладбище’ (Gregor 1975: 209). Несмотря на то, что источник первоначального заимствования в венгерском языке – латынь, в славянские языки это слово в такой форме вошло под влиянием венгерского языка (ср. также данные ОЛА 2015: карта № 46).¹⁷ Приведем контексты высказываний информантов с данным унгаризмом:

- 4.1 *Ges sen kot dete hodila na **cintor**, s starimi starši, to je bil svetek, na kmetih se te več nej delalo, novembra nega takšnoga velkoga dela, živina se je opravila v hlevi, potem pa smo večer okrog sedme šli na **cintor** ze svečami* (Я в детстве ходила на кладбище, с бабушкой и дедушкой, это был праздник, крестьяне уже не работали, в ноябре нет такой большой работы, в хлеву сделали все что нужно для скота, потом вечером около семи мы шли на кладбище со свечами) (Гентеровцы).

¹⁷ Для Прекмурья и Порабья в ОЛА отмечено только образование от латинского *cimiterium*, тогда как карту можно было бы дополнить данными из области Горичко, где распространен германизм *brütöf* (фиксируется в Каринтии и на большей части словенской этнической территории).

- 4.2 *Zato je pokopališče uradno za slovenski izraz, prekmurski izraz ve mojem kouti je **cintor**, medtem ko tū na Goričkon te pa srečali izraz **britof**, to je nemška zadeva, pri nas je to cintor* (Поэтому *pokopališče* – официальное словенское название, прекурское слово в моей местности – *cintor*, тогда как тут в области Горичко вы встречали слово *britof*, это немецкое, а у нас *cintor*) (Мурска-Собота).
- 4.3 ***Brütöf** [na Goričkem], **cintor** je pa od Beltenec do, proti Lendavi, to pri nas, Dolensko, pravijo Markasto (**Brütöf** [в области Горичко], **cintor** – от села Бельтинцы до Лендавы, это у нас, Доленско, говорят Маркасто)* (Крижевцы).
- 4.4 *Sejsvecovo, mi tāk pravimo, ugye, hát, tisti den' je nišče nika nej delal, kã ti terbelo na **cintor** tejte* (Праздник всех святых, мы так говорим, правда? ну, в этот день никто ничего не делал, потому что нужно было идти на кладбище) (Апатишванфалва).
- 5 Встретилась нам в беседах с информантами в селе Горни-Петровцы (Горичко) и такая лексема венгерского происхождения как *d'ert'aš*. Происходит она от венгерского слова *gyertyás*, образованного от *gyertya* – ‘свеча’, при помощи суффикса *-s-*. Согласно венгерскому этимологическому словарю, имеет тюркское происхождение (тюркский корень *yar-*, *yaru-* значит ‘освещать’ (MNYTESz 1: 1128–1129)). В словарях словенского языка и прекурского языка эта лексема не фиксируется, равно как и в лексикографических источниках хорватского и сербского языков. Именно это обстоятельство и привлекло наше внимание, тем более что в других населенных пунктах нами она не была отмечена. Приведем фрагмент высказывания информанта, в котором используется данное слово:
- 5.1 ***D'ert'aš** pri nas pomeni na Goričkom ... kã se svejti, jaz se spomnim, bių sem deset let star, pa dedek mene pravi ... [имя] se pride! se pride ka boš viduų, ka se tam prejk svejti, to je pa od naše iže ... tam prek je bilo eno močvirje, bila veška zemla, okouli seden hektarof ... odi kã boš viduų kã se, e tan **d'ert'aš** svejte! pa pravim, kã je dedek tou? pa ode ka boš viduų, to ke ena žoga, ena takša okrougla, krougla, malo z modrimi odtenki, s takšimi modrimi kulabari, žutu, rumeno ne, žuto, žuto, svetlo, ognjena, krougla se je tak malo, zdigavala, spuščavala malo, šla sem malo ta, in to je trajalo eno petnajst minut, stvarno sem tou videų ne, in sem jaz šou notri, je že večer bių, in sem tisto pozabu, in pozneje, san nigdar več nej dedeka pitau ... na Bistrici pa tomu pravijo **merar** (**D'ert'aš** у нас в области Горичко значит ... что светится», я помню, мне было десять лет, и Дедушка мне говорит ... [имя], «Подойди! Подойди и ты увидишь, что так светится, а это от нашего дома ... там через было одно болото, была деревенская земля, вокруг на семь гектаров ... «Подойди и увидишь, что там **d'ert'aš** светится!»*

А я говорю, «Дедушка, что это такое?» «Подойди и увидишь», это как мяч, такой круглый, немного с синими оттенками, с такими синими кругами, желтый, свет, огненный, круг так немного поднимался, опускался, шел немного туда, и это длилось минут пятнадцать, действительно я это видел, и я вернулся в дом, был уже вечер, и я забыл об этом, и позже я никогда дедушку не спрашивал ... а в Бистрице это называют *merar*) (Горни-Петровцы).

Речь идет о мифологическом персонаже, появляющимся над водой (чаще всего – болотом) или в поле в виде блуждающих огоньков (подробнее об этих мифологических персонажах в западнославянской традиции см. (Виноградова 2016: 180); у словенцев – см. Kropej 2008: 283–284). Их могут называть *merari, meraši, džileiri, fajermangli, fajamangli* (Kozar Mukič – Mukič – Kropej Telban 2017: 387), *žerjafce, žerd'afce* (записано нами в Порабье) и т.д. В. Новак приводит следующее объяснение для слова *džilèir* ‘газ, парящий над болотом’ (Novak 1996: 37). Собеседники рассказывают историю, что это души инженеров, которые замеряли землю при аграрной реформе, произошедшей после распада Австро-Венгрии и образования Королевства СХС (позже – Югославии), и которые несправедливо произвели замеры. Показательно, что используется сразу несколько терминов для обозначения одного явления (в том числе заимствованное из немецкого *fajermangli*, имеющее в своем составе слово, указывающее на огонь, нем. *Feuer*). Однако унгаризм, встретившийся нам в области Горичко, странным образом нигде не отмечен. В венгерской традиции для обозначения этого явления также используется несколько наименований (MNL 3: 454): *tüzesember* (огненный человек), *tüzes mérnök* (огненный инженер), *tüzes indzsellér* (то же), *lámás* (образовано от «лампа», фонарь), *lidérc* (болотный огонек), *bolygó tűz* (блуждающий огонь), *lidércfény* (блуждающий огонек), *gyertyás* (образовано от «свеча»). Для *tüzesember* характерно появление в образе человека, которого сопровождает огонь (ср. словен. *ognjeni mož*), обычно это инженер, который плохо измерил землю, *lámás* появляется в виде движущейся лампы, по многим признакам похож на *tüzesember*. *Lidérc* предстает в образе блуждающих огоньков, по ночам всячески мешает прохожим (ср. близкие поверья о персонаже *ognjeni* у градищанских хорватов (Плотникова 2016: 153)), заманивает их в болото, часто имеет общие признаки с *tüzesember*. *Gyertyás* также похож по многим признакам на *tüzesember*, а также на *lidérc(fény)*. В области Ханшаг на северо-западе Венгрии известно такое название для этого природного явления, наблюдаемого на болоте, как *ördög gyertyája* ‘свеча чёрта’. Показательно, что это слово нашими информантами может употребляться также и в переносном значении, для номинации негативных, отрицательных явлений, людей и т.д. С этой точки зрения интересна история, записанная нами в области Горичко:

- 5.2 *Stvarno bių en tákšen pujaf, za šteroga se je v naši vesi pravilo, kadá d'ert'aš pride te pride slaba letina, ali pa nekaj slabo pride ... jaz se spomnim, tisto leto ... mi smo*

meli Kmečki glas, to je bių tednik za kmete, dedek je meų to stalno naročeno, in gdok mi smo ták pod orehom na dvorišči ... ležali ka smo senoų obračali, pa te smo spočivali, in poštar prinese novine, časopis, pa gnok s tistim novinami hodi pa začne preklinjati, po dvorišči preklinja ... pa ka stare si znoruu? je bábâ pravila, a ti pogleni! pa začne on meni, pogleni [имя]! to mi mamó! glej! te Vukmanović, to je bių eden minister za kmetijstvo, ja daų odluk ka se začne Jugoslavija obdaųčevati, vozé, kotle za žganje, pa, ene koula si lejko meų, drügo je že biloų obdaųčeno ... en konj je smeų biti minister Vukmanović je odločiu ka to pa to, in da začne dedek metati, pa dedek pravi, pogleni! toų je te d'ert'aş peldevu! peldevu pomeni je prineseų naznanüvo (Действительно было такое явление, о котором в нашей деревне говорили, когда *d'ert'aş* приходит, будет плохой урожай, или что-то плохое случится ... я помню, в тот год ... у нас была газета «Кмечки глас», это еженедельник для крестьян, дедушка постоянно его выписывал, и однажды мы так под орехом на дворе ... лежали, потому что мы сено переворачивали, и мы отдыхали, и почтальон приносит газету, и вдруг с этой газетой он ходит и как начнет ругаться, по двору ругается ... «Что, старик, ты с ума сошел?» Бабушка спросила, «А ты посмотри!» И он ко мне, «Посмотри [имя]! Вот что у нас! Посмотри!» Этот Вукманович, это был один министр сельского хозяйства, вышло распоряжение, что в Югославии будут брать налог с повозок, котлов для самогона, одну повозку ты мог иметь, а за вторую уже должен был платить налог ... одного коня можно было иметь ... министр Вукманович принял решение, что то-то и то-то, и как начнет дедушка бросать, и дедушка говорит, «Посмотри! Вот это *d'ert'aş peldevu!*» *peldevu* означает показался, появился) (Горни-Петровцы).

Здесь *d'ert'aş* предстает в образе некоего негативного явления. Считалось, что если его увидят, то урожай будет плохим в этом году. Это слово может являться синонимом нечистой силы, как показывает приведенный выше фрагмент высказывания, и здесь оно сближается по значению с венгерским *ördög gyertyája* 'свеча черта'.

- 6 Повсеместно распространенным термином для обозначения внебрачного ребенка является *fotif* или *fačuh/fačuk*. Интересно, что известен он не только в Прекмурье, но и выходит за его пределы, в частности в Восточную Штирию (Прлекия) (*fäcuh, hòtiv* (Rajh 2010: 48)), что подтверждается также нашими записями. Помимо обозначения собственно 'внебрачного ребенка' мы записали следующие ситуации упоминания этого термина в разговорах о традиционной культуре: во-первых, так часто называли куклу (или свадебный хлеб – *bosman* – завернутый в виде новорожденного), с которой (в рамках свадебных бесчинств) подходила к жениху на свадьбе якобы его жена (обычно – наряженная цыганка) и требовала признать ребенка своим; во-вторых, таким образом могли называть души детей, которые умерли в

первый год жизни. Приведем контекст употребления данного слова, где собеседница отмечает негативную коннотацию данного слова.

- 6.1 *In je enkrat domoū prijokala, s šoule, ona je sploh nej znala ka je ona fotif, ona je tū odraščala, moje stare starše je zvala oča, māti, prijoka domoū, pa pravi, tisti pa tisti fant z vesi me je zmerjaū s fotivo, torej s sramotnim izrazom za otroka ki nima očeta, ampak moja stara mama je bila pogumna ženska, in je pravla, bom jaz to že uredila, in je šla do tistih staršeū tega fanta, ki sta pa bila slučajno oba nezakonskega otroka, ja! in je pravila te ženski, vi vašeme dečke povejte kã naj naše [имя] več ne špota, ne zmerja, ka vi znate ka ste vūva z vašim možon bila prlej fotiva kãk toū naše dejte, ja* (И однажды она пришла домой заплаканная из школы, она вообще не знала, что она внебрачный ребенок, она здесь росла, моих бабушку и дедушку она называла папа, мама, приходит заплаканная домой и говорит, «Тот и тот парень из деревни меня назвал внебрачным ребенком», т.е. оскорбительным словом для ребенка, у которого нет отца, но моя бабушка была мужественная женщина, и она сказала, «Я все решу», и она пошла к родителям этого парня, которые оба были случайно незаконнорожденные дети, да! и она сказала той женщине, «Вы вашему парню скажите, что пусть нашей (имя) больше не оскорбляет, потому что вы знаете, что вы оба с вашим мужем раньше были внебрачные дети, чем наш ребенок, да») (Мурска-Собота).

В словенском языке используется заимствование из немецкого *pankrt* (Snoj 2015). В. Новак отмечает в бельгинском говоре одновременно два варианта: *fáčuk* (Novak 1996: 39) и *fōtiv* (Novak 1996: 41) и указывает на их происхождение от венгерского *fattyú*. В словаре литературного прекмурского языка зарегистрировано только *fōtiv* (Novak 2006: 88). В венгерском языке это слово неизвестного происхождения (MNYTESz 1: 853). Л. Хадрович в качестве возможных источников возникновения этого слова приводит *faj* 'пол'¹⁸ или *fiú* 'мальчик, парень'). Кроме того, он дает варианты этого слова в кайкавском языке и у хорватов-штокавцев: *fačuk, faćuk, fanćuk, fotiv, fortiv* и пишет, что формы *fanćuk* и *fortiv* возникли уже после заимствования из венгерского на хорватской почве (Hadrovics 1985: 219). В словаре сербско-хорватского языка это слово дается в форме *faćuk* и *fačuk* опять же с указанием на венгерское происхождение (RSKJ 6: 660). П. Скок упоминает Пригорье и Загорье в Хорватии как регионы бытования лексемы *faćuk* и отмечает, что именно *fotiv* является самой старой формой заимствования из венгерского, поскольку венг. *-yú > -iv* (ERHSJ 1: 502).

- 7 Период карнавала, масленицы перед Великим постом в обследуемых говорах как в Прекмуре, Порабье и также в Восточной Штирии обозначается при помощи лексемы *fāšenek/fāšenik/fašang* (Порабье) (ср. словен-

18 Хотя эта этимология отрицается в MNYTESz 1: 853.

ское литературное *pust*). Кроме того, при помощи этого корня называются участники масленичных гуляний, а также неприглашенные на свадьбу гости (*fășenki*), которые приходили в костюмах и масках, чтобы их не могли узнать, и устраивали на свадьбе бесчинства. В словаре литературного прекурского языка это слово фиксируется только в значении ‘карнавал’ (Novak 2006: 86) – *fășenk, fășenski*. У словаков из Пилишсанто это слово отмечается во мн.ч. – *fašangi* (Gregor 1975: 218). Л. Хадрович приводит лексему *faršanga* (оформлено по ж.р.) наряду с *fašenk, fašink, fašank, fašang* в списке унгаризмов у кайкавцев (Hadrovics 1985: 225), однако отмечает, что эта лексема могла быть заимствована параллельно из немецкого языка (ср. нем. *Fasching* из бавар.-австр. *vaschanc, vaschanc*). Б. Штебих Голуп включает это слово в список германизмов (*fašenk*) кайкавского наречия без указания на посредничество венгерского (Štebih Golub 2010: 227–228). У П. Скока также находим только отсылку к немецкому источнику (ERHSJ 1: 508) для слов *fašinak, fašenk, fašenjk*. В словаре сербскохорватского языка *fašange, fašanke* также приводятся с пометой, что слово заимствовано из немецкого (RSKJ 6: 661). У сербов Воеводины известны слова *фашанге, фашанке* (РСГВ 9: 176). В венгерском языке лексема *farsang* является заимствованием из немецкого (ср. ее бытование в Поипле (Ващенко 2014: 286)), где это слово используется чаще, чем его венгерский аналог *húshagyó-hétfő/kedd* (ср. Дёмётёр 1977: 191)), а сочетание *ss > rs* как, например, в слове *tarsoly* (нем. *Tasche*) (сумка из кожи, которую носят на спине) (MNYTESz 1: 848) (там же отмечено, что в славянские языки слово заимствовано из немецкого). По всей видимости, для вариантов с сочетанием *rš* в славянских языках можно с большей долей уверенности предполагать венгерское заимствование, тогда как для других случаев этот процесс мог происходить параллельно из двух источников.¹⁹ Приведем пример функционирования этой лексемы в значении ‘карнавал’ и ‘незванные гости на свадьбе’:

- 7.1 *Do fašenka će se nišče ne oženėj, se več po fășenke ne sme nišče ženiti, in ti se, napravi borovo gostüvanje* (Если до масленицы никто не женился, то уже после масленицы никто не может жениться, и устраивают тогда *borovo gostüvanje*²⁰) (Горни-Петровцы).

19 Что неудивительно, поскольку в лексике традиционной культуры у прекурцев нами отмечено много германизмов (например, *majpan, krispan, friškanje*), которые могут сосуществовать параллельно с венгерскими заимствованиями. Этому способствовали и прямые контакты с немецкоговорящим населением (австрийцы), так как словенцы в указанном регионе проживают между венгерской и немецкой этническими территориями.

20 Досл. «основная свадьба» – шуточное представление, которое разыгрывают, если в селе не было ни одной свадьбы в году. Сосна предстает в образе жениха, для которого подыскивают невесту.

- 7.2 *Maski, cigani, to so fãšenki, to so tisti ki so radovedni kã dobili kãkšno gostüvanje, jaz sem se oblekla po fašenki, te nišče nej poznaw, plejšeš* (Маски, цыгане, это *fãšenki*, это те, кому интересно побывать на какой-нибудь свадьбе, я оделась в маскарадный костюм, чтобы никто не узнал, и ты танцуешь) (Гентеровцы).
- 7.3 *Za fãšenek so peli, pusta repa dugi len, fãšenik je celi den, pijte vino nej vodoü, pa še nekaj* (На масленицу пели: пустая репа, длинный лен, масленица целый день, пейте вино, а не воду, и еще что-то) (Гентеровцы).

8 Обычай ставить на первое мая дерево и украшать его лентами, а также само дерево известны в данной местности под названием *majoš/majuš*. Общесловенское название для данного явления – *mlaj* – М. Сной связывает с понятием «молодое дерево» (Snoj 2015). Прекмурское и порабское слово является унгаризмом, поскольку в венгерском языке название месяца мая – *majus* (хотя изначально данное слово имеет латинское происхождение – *Maius mensis*, которое приобрело венгерскую огласовку с конечным [š]²¹). В венгерском языке распространено наименование *májusfa* (досл. май-дерево), обозначающее срубленное высокое дерево (пихта, дуб, хвойные деревья, береза), которое парни украшали цветами и лентами в ночь накануне первого мая (иногда в ночь накануне пасхи или в ночь накануне первого воскресенья пасхи). Это дерево устанавливали перед окном дома понравившейся девушки, либо во дворе, либо в общественном месте. Вокруг дерева танцевали.²² Так же называли украшение, которое ставили на крыши в ознаменование завершения строительных работ (MNyÉSz 4: 917–918). Кроме того, в Венгрии это дерево могли называть *Yakabfa* (дерево св. Якоба), *hajnalfa* (дерево рассвета – в Трансильвании (MNL 3: 506)) (Дёмётёр 1977: 197–198). Наши информанты также подтверждают, что «май» ставили либо перед окном дома понравившейся девушки, либо на деревенской площади. В Прекмуре повсеместно известен уже ставший локальным культурным событием *ganč-ki majoš* в селе Ганчани.²³ Раньше в Прекмуре «май» ставили призывники, достигшие 18 лет, сейчас это делают пожарные. Некоторые информанты отмечают, что устанавливать «май» начали только после 1945 года и праздник стал ассоциироваться с Днем труда, первым мая (хотя это противоречит

21 В частности, Л. Хадрович указывает, что в латинских заимствованиях в венгерском языке произносится в финале [š] вместо [s], например, *marciúš*. Именно в этом виде они заимствуются в славянские языки (Hadrovič 1985: 56–57).

22 Ср. также с обычаями, связанными с «майским деревцем» у славян (Валенцова 1999: 79–81).

23 Его возводят каждый год парни в память о событиях Первой мировой войны. Впервые его поставили в 1919 солдаты в благодарность Деве Марии за то, что вернулись с войны (Пилипенко – Ясинская 2018).

самому названию – унгаризму, которое после 1945 года никак не могло быть заимствовано, по крайней мере в Прекмурье). Интересно, что информанты из Порабья могут использовать как аналог названия в современном венгерском языке (под влиянием двуязычия) – *majusfa* – так и *majoš*, распространенный в Прекмурье. Эти слова выступают как синонимы. Название *majusfa* в Прекмурье нам не встретилось. Кроме того, *majoš* используют информанты из Порабья как обозначение месяца май, заимствованное из венгерского (см. 8.4). Ни *majoš/majuš*, ни *majusfa* не фиксируются ни в одном из лексикографических источников, за исключением словаря бельтинского говора В. Новака (в форме *majuš*), с указанием на венгерское посредничество при заимствовании из латыни (Novak 1996: 73). Отметим также, что территория Прекмурья разделена с точки зрения функционирования данного термина: в северных районах, прилегающих к австрийской границе, более известен немецкий аналог – *majpan* (из нем. *Maibaum*). В языке градищанских хорватов фиксируется также венгерская огласовка слова: *Maibaum – majuško drevo* (DBKW 1982: 332). Ниже приводятся высказывания собеседников из Прекмурья и Порабья о данном обычае.

- 8.1 *Majoš, majoš, to je zdaj že bilo v Jugoslaviji to prej nej bilo, po 45 letu so postavili ko prvi maj delafski praznik (Majoš, majoš, это было в Югославии, раньше этого не было, после сорок пятого года установили, когда первое мая – праздник рабочих) (Горни-Петровцы).*
- 8.2 *V Gaberju so tudi postavljali, majoš, drevo je majoš, še zdaj ... največ so to gasilci ... do konca maja stoji (В Габерье также устанавливали, majoš, дерево – majoš, еще и сейчас ... больше всего пожарные ... до конца мая стоит) (Крижевцы).*
- 8.3 *Majusfa, na prvi den', to postavijo, zvečer, per dekli, skrivuma (Majusfa, на первый день поставят, вечером, у девушки, тайно) (Апатиштванфалва).*
- 8.4 *Biloč majoši, majošfa, tüsto drevo, prvega majoša si gor dejal, toč vem, ka v Sengotardi so zaj nej postavili ... tüstog majoša se je večer postavlo (Были majoši, majusfa, это дерево, первого мая ты установил, я знаю, что в Сентготтарде сейчас не установили ... этого majoša вечером устанавливали) (Сентготтард).*
- 9 В области народной кулинарии заимствований из венгерского языка довольно много. Остановимся подробнее на слове *perec*, которое имеет значение ‘хлеб в виде заплетенной косички’. В венгерском языке *perec* означает ‘заплетенное в виде цепочки или в виде восьмерки хлебобулочное изделие’ (MNyÉSz 5: 721). Само слово является заимствованием из средневерхне-немецкого *prêze, prêzel* (нем. лит. *Brezel*) (MNyTESz 3: 160–161). Л. Хадрович

говорит о венгерском посредничестве при заимствовании этого германизма в язык кайкавцев (Hadrovcis 1985: 411). Словарь бельтинского говора фиксирует форму ж.р. *perèca* (Novak 1996: 96), тогда как в словаре литературного прекурского языка отдельно этой лексемы не находим, а встретились она нам только в пояснении к слову *vrtanik* (хлебобулочное изделие из пшеничной муки в виде трех косичек и дыркой посередине) в качестве синонима в форме *peretz*, *pretzli* (Novak 2006: 852). Другие словенские словари это слово не регистрируют. П. Скок приводит ареал распространения этого слова (кайкавская Хорватия, Славония) (*perec*, *pereca*, *peretac*, *peretak*) и указывает на ее венгерское происхождение в хорватском языке и на первоначальный немецкий источник (ERHSJ 2: 639). В словаре сербскохорватского языка дается лишь отсылка к немецкому языку (RSKJ 4: 388). В сербских говорах Воеводины это слово также широко используется, как в м.р., так и в ж.р. – *перец* и *перца* (хлебобулочное изделие в виде кольца) (РСГВ 6: 157). Словацкому говору в Пилишсанто также знакома эта лексема (Gregor 1975: 256) (указан венгерский источник заимствования). Актуальной эту лексему в области описаний явлений народной культуры делают контексты употребления, выявленные нами в ходе полевого исследования. Наши информанты чаще всего *perec* упоминали как хлеб, который пекут на свадьбе, несколько раз нам встретилось название хлебобулочных изделий, которые пекли накануне Дня всех святых (прек. *sis-vejcovo*). Что касается хлеба на свадьбе, то здесь *perec* может выступать синонимом других терминов – *bosman*, *vrtanek/vrtanik*, *pleteník*²⁴ (например, в Порабье в некоторых селах известен только *perec*). То же самое и для хлебобулочных изделий на 1 ноября, синоним слов *zoučnik*, *biba*, *beleš/beliš*.²⁵ В Венгрии *perec* пекли бедняки по большим праздникам (MNL 4: 229–230). Проиллюстрируем контексты употребления слова *perec* высказываниями собеседников:

- 9.1 *Da sva prišla mūva od meše, nej, da sva s cerkvi domoū prišla, te sva na pragi dočbila liter vina pa gore te-e vrtanek, perec, gor na tistom* (Когда мы пришли домой с мессы, когда мы из церкви пришли домой, на пороге мы получили литр вина, а наверху *vrtanek*, *perec*, наверху на этом) (Горни-Петровцы).

24 Некоторые наши информанты говорили, что *vrtanik* имеет больше плетеных косичек, чем *perec*, для *bosman* характерно украшение цветами и различными фигурками. Другие информанты не находили отличий по форме изготовления между *vrtanik* и *perec*.

25 Лексема *beleš*, которую информанты упоминали в качестве обрядовой выпечки для праздника Всех святых, также является унгаризмом (ср. венг. *béles* – четырехугольный пирог с начинкой посередине (MNL 1: 244) – образовано от венг. *bél* ‘внутренность, кишки’; финно-угорского происхождения (MNYTESz 1: 274)). Иногда названия *retés* и *béles* оказываются взаимозаменяемыми. Так в венгерских говорах Закарпатья «рулет с маком из дрожжевого теста» называется *mákos rétes* и *mákos béles* (Лизанец 1992: 310).

- 9.2 *Se je pa speklo, f soboto, dejn pret trijstiprvoga oktobra ne, se je pa speklo, ena peč perecof, in te je še peč vroča bila* (Пекли в субботу, день перед тридцать первым октября, пекли печь *perecof*, и печь была еще горячей) (Горни-Петровцы).
- 9.3 *Vrtanik je beli kruh, ki se plete fküper, tudi na gostüvanje, vrtanik ali vrtanek, fsaka vas ma svoje narečje, perec, fehér perec* (венг.), *fehér kenyér* (венг.), *moja babica je pekla male perece ali pa velke perece*²⁶ (*Vrtanik* – это белый хлеб, который сплетается вместе, также на свадьбе, *vrtanik* или *vrtanek*, в каждой деревне свое наречие, *perec, fehér* (белый) *perec, fehér kenyér* (белый хлеб), моя бабушка пекла маленькие *pereci* или большие *pereci*) (Гентеровцы).
- 9.4 *Zdaj perece so lahko male ka so pač pletene z dvema, ta bosman je pa bil z večih kit pletenih, in pa okrašen ... in so ga nesli, ko so šli po mlado* (И *pereci* могут быть маленькие, которые плетут из двух косичек, а *bosman* плели из многих косичек, и он был украшен ... и его несли, когда шли за молодой) (Крижевцы).
- 9.5 *Kåk vej pravite, kå vertenki, mej pa perece pravimo* (Как вы говорите, *vertenki*, а мы говорим *perece*) (Апатиштвафалва).
- 9.6 *So bili gostüvanja pa tou, vartanik, perec ka to so spleli, tok lepo, krougeç biu, tak spleteno* (Были свадьбы, *vartanik, perec* плели, так красиво, он был круглый, так заплетено) (Сентготтард).
- 9.7 *Vrtanek in perec to je isto, pri nas se pravi perec ... perec je naša, Andofci, Števanofci, Verica, mi imamo isto narečje* (*Vrtanek* и *perec* это одно и то же, у нас говорят *perec ... perec* – это наше [слово], Андовцы, Штевановцы: Верица, у нас одно наречие) (Орфалу).
- 10 Еще один термин из области гастрономии в системе лексики традиционной культуры – пирог из слоеного теста – *retas̃*. Данное изделие, как отмечают собеседники, является синонимом для штруделя (*štrudla*). Слово *retas̃* в прекумурском является унгаризмом по происхождению. В венгерском языке *rétes* означает ‘пирог, приготовленный из тонко растянутого (в виде листа) теста и завернутой в него начинки’ (MNYÉSz 5: 1018). Образовано от существительного *rét* – слой, с неясной этимологией (MNYTESz 3: 426–427). В SSKJ этому слову (*retes̃*), снабженному пометой «наречное слово», дается определение с отсылкой к Прекумury, что это пирог из вытяжного теста, и добавляется, что они могут быть с различной начинкой, например, из мака (SSKJ 4: 1491). В. Новак

26 В этом нарративе информант комментирует, используя переключение кода со словенского на венгерский язык.

фиксирует *rétaš* в словаре бельтинского говора и приводит его венгерский аналог (Novak 1996: 127), однако в словаре литературного прекурского языка это слово не встречается. Л. Хадрович отмечает его у хорватов-кайкавцев в форме *riteš* и *ritež* (?) (Hadrovics 1985: 436). П. Скок также указывает на бытование этого слова у кайкавцев и на его венгерский источник *rétes* (ERHSJ 3: 148). *Retaši* распространены повсеместно в Прекмурье и Порабье. Информанты говорили, что их могли выпекать в любой день, но характерной особенностью является их приготовление на Пасху (*vüzem, vüzen*), где *retaš* становился одним из главных праздничных блюд. Также их могли оставлять в доме в ночь с 31 октября на 1 ноября для душ умерших, которые, согласно поверьям, в это время возвращаются домой. В Венгрии их пекли на новый год, на свадьбу, при этом было неважно, из какого теста они сделаны (MNL 4: 343). Ниже даются нарративы информантов о «реташе» из Прекмурья и Порабья:

- 10.1 *To je pa štru- **retaš**, **retaši** pa malo so fse, jabokovi pa makovi pa, skutini ... müva pečeva fsakši den* (Это штру[дель]- *retaš, retaši*, могут быть из всего, из яблок, мака, творога ... мы их печем каждый день) (Горни-Петровцы).
- 10.2 *Pa lekvár nutri, zonke smo jeli pa **retaše**, **retaše** smo gučali, **retaši** tü vougri ovak pravijo, pravijo ko je tou tenko, veš, tüst vougri pravijo kã **reteš**, mi pa tüsto pravimo **retaše** kã skora vertenik, s tüstoga pa tu, mak, ore ... nej biu kremeš* (И повидло внутри, мы ели *zonke* и *retaši*, *retaši* мы говорили, *retaši* здесь венгры так говорят, они делают тонко, знаешь, на это венгры говорят *reteš*, а мы на это говорим *retaše*, это почти как *vertenik*, из этого здесь, мак, орехи ... не было крема) (Сентготтард).
- 11 В области Горичко в среде евангелистов-лютеран нам встретился интересный термин, с помощью которого обозначают колокольный звон, чтобы оповестить прихожан о смерти кого-либо из односельчан или из прихода – *rovašivanje*. Очевидно, что слово является унгаризмом: ср. в венгерском языке *rovás* – ‘зазубрина, отмечание, отметка, вырезание, вырез, отметка о счете, задолженности, кредите’ (MNYÉSz 5: 1080–1081). Происходит от венгерского корня *ró* – ‘делать линии, буквы, вырезать’, который имеет финно-угорское происхождение (MNYTESz 3: 426–427). М. Сной также указывает на венгерское происхождение и отвергает версию об обратном славизме (Snoj 2015), которую находим у П. Скока (со ссылкой на Ф. Миклошича): венгерское *ró* образовано от *ryti* (ERHSJ 3: 160–161). Интересно, что *rovaš* не является локальным словом, а выходит далеко за пределы ареала славянско-венгерских контактов, поскольку было заимствовано через торговые контакты и от пастухов (MNYTESz 3: 426–427). Помимо словенской территории эта лексема (в разной огласовке) известна сербским и хорватским диалектам (*ròvãš, raboš*), в том числе – в Дал-

мации, Боснии, Косово, Центральной Сербии, македонским (*rabuš*), чешским (*rabiše*), диалектам, албанскому (*rabūsh*) и румынскому (*răboj*) языкам (ERHSJ 3: 160–161; Spoj 2015). Фиксируется оно и у словаков в Венгрии *rováš* в значении ‘вырез, насечка’ (Gregog 1975: 266). В словенском литературном языке это слово имеет два значения: ‘палка, на которой делают зазубрины для отчисления товара, суммы кредита’ (ср. идентичное значение в венгерском) (MNYTESz 3: 426–427) и ‘счет’ в устойчивом сочетании *na rováš* ‘на чей-то счет’ (ср. идентичное выражение в венгерском – *valakinek a rovására*) (SSKJ 3: 546). В словаре бельтинского говора также представлены эти два значения (Novak 1996: 128), однако данное слово почему-то не было включено в словарь литературного прекурского языка. Тем не менее, что касается зафиксированного нами термина *rovašivanje*, то конкретно он в данном значении нигде не отмечен (в том числе и в специально словаре, посвященном колокольному звону (SZP 2017)). Исключение составляют этнографические материалы, собранные Е. Пшайд в селах Канчевцы и Крижевцы (Pšajd 2017: 118, 122). В словаре сербскохорватского языка находим только глагол *rovašiti* – ‘ставить зазубрину, отмечать (чертой, зазубриной)’, ‘вырезать в камне, дереве’. У В. Караджича этот глагол отмечен в значении ‘оставить след, отметить’ (RSKJ 5: 547). В сербских говорах Воеводины распространен глагол *rovašiti* (PCGB 8: 23), фиксируется там и существительное *rovaš* – ‘ззубрина, клеймо, знак, шрам’ (PCGB 8: 22). Скорее всего в прекурском диалекте у этого слова произошел семантический перенос общего значения ‘засекать, отмечать’ на данное конкретное действие – оглашение при помощи колокольного звона вести о смерти в селе или приходе. Наш собеседник так описывает это слово и порядок, установленный в приходе, когда и сколько раз нужно звонить в колокол:

- 11.1 *To se zvoní ... razlikuje se po tem da se začne tak imenovano rovašivanje, mi pravimo, če je moški, potem se to razlikuje, če je izven naše fare, z velkim zvonom enkrat, če je ve fari, dvakrat, če je v vasi, potem trikrat, z velkim zvonom, obratno za žensko z malim zvonom, in potem se trikrat ponovi z obema zvonovoma* (Звонят ... отличается по тому, что начинается так называемое *rovašivanje*, мы говорим, если мужчина, то различается, если вне нашего прихода, с большим колоколом один раз, если в приходе, два раза, если в селе, тогда три раза, с большим колоколом, и так же для женщин с малым колоколом, и потом три раза повторится с двумя колоколами) (Крижевцы).

- 12 В речи прекурских и порабских информантов широко функционирует слово *šarkanj/šarkan*, известно оно также и другим славянским языкам Карпатского бассейна (см. подробнее (Валенцова 2018)). Слово является заимствованием из венгерского языка, в котором имеет следующие значения: ‘сказочное существо, похожее на змею, со множеством голов, извергающее огонь’,

‘летающий змей, игрушка’, ‘курок’, ‘злая, очень сварливая женщина с невыносимым характером, чаще всего пожилая’ (MNYÉSz 5: 1133). *Sárkány* в венгерском языке является старым тюркизмом чувашского происхождения (ср. турецко-османское *sazayan* ‘дракон, змея’) (MNYTESz 3: 493–494). В венгерской народной культуре *шаркань* – распространенный мифологический персонаж (MNL 4: 400–401). В Шашке *sárkány* известен, но чаще всего ассоциируется со словом *sátán* (Ващенко 2014: 301). Это слово зафиксировано в словаре литературного прекмурского языка как *šárkan* ‘змей’ (Novak 2006: 728). Словенцам Порабья знаком венгерский аналог (из-за словенско-венгерского двуязычия) – летающий огнедышащий змей, однако в их говоре это слово имеет другое значение. Прежде всего это характеристика человека, например, *сильный как шаркань*. Для словенцев Прекмурья значение ‘змей’ не удалось зафиксировать, там данным словом обозначают черта, нечистую силу, а также в переносном значении оно может использоваться как отрицательная характеристика человека (агрессивного, эгоистичного). Однако в первую очередь информанты вспоминали, что *шаркань* – это словенская фамилия в Прекмурье (в основном в области Горичко). Для Порабья характерно еще одно значение этого слова, заимствованное из венгерского – ‘самогон, получаемый при первой перегонке’ (ср. венг. *sárkányszesz*). Для центральных закарпатских говоров значение ‘змей, дракон’ также стерлось из употребления, однако слово приобрело другую семантику: ‘быстрый, ловкий человек, у которого в руках горит работа’ (ПМА). У словаков в Пилишсанто *šarkan* обозначает как дракона, так и игрушку – воздушного змея (Gregor 1975: 273). У сербов в Воеводине *шаркань* означает ‘воздушные вихри’ (РСГВ 10: 128). Очевидно, что при отсутствии непосредственного контакта с венгерским языком (например, у прекмурцев, у закарпатцев), мифологическая коннотация этого слова и ассоциация со змеем, драконом уходит, а на первый план выходят дополнительные значения, характеризующие человека (зачастую негативно). И напротив, ассоциация со змеем сохраняется при активном контактировании с венграми (в Порабье, в двуязычных общинах Словении, у словаков в Венгрии). В качестве иллюстрации дадим несколько примеров употребления этого слова из Прекмурья и Порабья:

- 12.1 *Šarkanj, naš soušed bič tu, smo mi meli soušede Šarkanje ... šarkanj pomeni kak vrag (Šarkanj, наш сосед был тут, у нас были соседи Šarkanji ... šarkanj значит черт) (Горни-Петровцы).*
- 12.2 *Šarkanj je, zmaj – predvsem tu, na madžarsko govorečem območju, je šarkanj zelo uporabna beseda, jo pa večina Slovencev v Pomurju razume, medtem ko je na Goričkem Šarkanj tudi priimek, ampak šarkanj je istočasno lahko souna, če se nekomi norčuješ, ka je nemogoč tip, razmete, negativen tip, napadalen, egocentričen tip, je lejko tudi njemu poveš, a to je šarkanj! (Šarkanj – это змей ... прежде*

всего тут в венгерскоговорящей зоне *šarkanj*, очень используемое слово, ее большинство словенцев в Помурье понимает, тогда как в области Горичко *Šarkanj* – это также фамилия, но *šarkanj* – это одновременно и прозвище, если ты над кем-то издеваешься, кто невыносимый тип, понимаете? Негативный тип, агрессивный, эгоцентричный тип, можешь ему сказать, «А это *šarkanj!*») (Гентеровцы).

- 12.3 *Šarkanj, to je madžarska, mi imamo, se pravi šarkanj, pravijo šarkanj tudi za tisto žganje, tisto katero, prvič steke, tisto zelo zelo močno, tisto, sedemdeset procentov alkohola, tisto šarkanj tudi pravijo, pa pravijo tudi na drugega, močen kot šarkanj ... zmaj pri Madžarih (Šarkanj, это венгерское слово, у нас есть, говорят šarkanj, говорят šarkanj также на тот самогон, который первый вытекает, этот очень-очень сильный, это, семьдесят процентов алкоголя, это šarkanj тоже называют, и говорят на другого, сильный как šarkanj... змей у венгров) (Орфалу).*
- 12.4 *Šarkanj to je tisti ka tisti dugi rep ma, tisti šarkanj, moje ene prijateljice s Slovenije moč se piše Šarkanj (Šarkanj это тот, у кого длинный хвост, это šarkanj, у моей подруги из Словении муж по фамилии Šarkanj) (Фельшёсельнёк).*
- 12.5 *Šarkanj pa gučijo, šarkanj je pa zmaj, recimo rečejo sárkányszesz, to je tisto žganje, ko je najbolj močno, tisto so uporabljali če je ti kaj bolelo, namazali, temu se tudi reče, šarkanj, v kakšnih pravljicah je šarkanj (Šarkanj говорят, šarkanj – это змей, скажем, говорят sárkányszesz, это тот самогон, который самый сильный, его использовали, если что-то болело, это называют šarkanj, в сказках тоже šarkanj) (Саконьфалу).*
- 13 Еще одним унгаризмом, который мы рассмотрим в данной статье, является слово *turbaš*. Собственно, отнести его к «стопроцентным» венгерским заимствованиям мы не можем, поскольку не совсем понятно, пришло ли оно в такой огласовке полностью из венгерского языка, либо речь идет только о заимствовании морфемы – форманты -š- как показателя деятеля. В обследуемых говорах *turbaš* распространен не повсеместно, известен он только в области Горичко в среде евангелистов-лютеран. Это один из свадебных чинов, ближайшим соответствием которому является *pozvačín* в районе Доленско и Равенско в Прекмурье и в Порабье, а также *pozafčín* в Прлекии в Восточной Штирии. В обязанности «турбаша», которых могло быть несколько, входит приглашение гостей на свадьбу (однако, в отличие от чина *pozvačín* он не имел особой торжественной одежды), а также организация самого свадебного пира. Информанты толкуют название *turbaš* от прекмурского слова *turba* – ‘сумка’ – которую он носил с собой и где

хранил так. наз. «невестино молоко» (*snejino mlejko, snehinsko mlejko*) – смесь из алкоголя и проса, которую он предлагал выпить приглашаемым на свадьбу гостям. Слово *turba* фиксирует В. Новак в словаре бельгинского говора и отсылает к венгерскому²⁷ и турецкому аналогам (Novak 1996: 161), в той же форме находим это слово в словаре литературного прекурского языка (Novak 2006: 775). М. Сной отмечает, что *torba* в словенском языке заимствовано из других славянских языков, в которые оно попало из турецкого *torba* (Snoj 2015). П. Скок также подтверждает, что *torba* есть во всех славянских языках, а также в венгерском и в неславянских балканских языках – албанском, румынском, новогреческом (ERHSJ 3: 484), и что заимствовано оно из турецкого. В данном значении лексема *turbaš/torbaš* нам нигде не встретилась, ни в прекурских лексикографических источниках, ни в словарях других языков. Словарь сербскохорватского языка фиксирует слово с тем же суффиксом – *торбаши* – но в значении ‘тот, кто делает и продает сумки’, ‘тот, кто носит в сумке разный товар и продает его по домам’ (RSKJ 6: 241), про свадебный чин упоминания не встретилось. Говорить о венгерском влиянии нам позволяет формант *-š-*, который в венгерском языке (*-s-*) является довольно частым суффиксом, с помощью которого оформляются как прилагательные, так и существительные, среди которых значительную группу составляют *nomina agentis*. В частности, эти форманты выделяет Л. Хадрович при отнесении к унгаризмам слов из сербскохорватского языка: суффиксы *-uš* (*hegeduš, kolduš*), *-oš* (*doboš, kormanoš*) (Hadrovics 1985: 62–64). В материалах ОЛА есть карты, в которые включены венгерские заимствования в славянских языках с этим суффиксом (ОЛА 2015: карта № 22 (*mužikaš*)-ь, (*mužikuš*)-ь от венгерского *muzsikás* (музыкант) для обозначения человека, играющего на каком-либо музыкальном инструменте; карта № 20 *kur*-(*aš*)-ь из венгерского суффикса *-ás*,²⁸ (*doxapoš*)-а от венгерского *dohányos* (курильщик), (*cigoretaš*)-ь из венгерского *cigarettaš* (куритель сигарет), (*pipaš*)-ь из венгерского *pipás* (кто курит трубку); карта № 28 (*tancoš*)-ь из венгерского *táncos* (танцор) (у Л. Хадровича находим *tancuš* – Hadrovics 1985: 494)). Думается, что и в случае с прекурской лексемой *turbaš* могло произойти если не полноценное заимствование слова (в венгерском языке нами также не отмечен этот термин в данном значении²⁹), то по крайней мере распространение венгерского по происхождению суффикса, уже укоренившегося в прекурской

27 Общевенгерский аналог – *táska*.

28 Здесь авторами атласа допущена неточность в определении морфемы: в венгерском языке суффиксом является только *-s-*, который присоединяется либо к основе на согласный при помощи соединительного гласного в зависимости от вокальной гармонии, либо к основе на согласный (если это *a*, то, как в данном примере, это конечное *a > á*).

29 Однако отмечено, что это слово является османизмом и используется только в венгерских диалектах (MNYTESz 3: 1002).

языковой системе. Приведем пример употребления этого слова в нарративах собеседников:

- 13.1 *Pri nas se je pravilo, turbaš, kâ je torbo nosu, pri nas pa je tâk bilo, ka sta dva turbaša odila fkip, norijo je delau pa je torbo meu* (У нас говорили *turbaš*, что он сумку носил, у нас было так, что два *turbaša* ходили вместе, он делал глупости, и у него была сумка) (Горни-Петровцы).
- 13.2 *Tukaj ni pozvačina, tu pa pravijo da je turbaš, ampak ni našemljen tako kot je dol, ka svate vode, gre naprej noter, on organizira, pa ma turbo, in pijačo, ma snejino mleko, nosi in to ponuja, snehínsko mlejko, žgana pijača, fčasi je tudi kakšen liker, nekaj belega* (Здесь нет *pozvačina*, здесь говорили *turbaš*, но он не наряжен так, как там, он водит сватов, входит в дом, он организует, у него сумка, и напиток, «невестино молоко», он носит и предлагает «невестино молоко», алкогольный напиток, иногда это какой-то ликер, что-то белое) (Крижевцы).

14 В этом разделе мы отметим только те заимствования, для которых у нас не набралось достаточно контекстов употребления, но которые следует упомянуть в настоящей статье. Венгерское влияние ощущается и в названии праздников, когда они содержат имена. Эти имена часто будут даны в венгерской огласовке, и их можно и сегодня услышать от информантов: *Sveti Andraš* (словен. *Andrej*, венг. *András*), *Ferenc* (словен. *Florijan*, венг. *Ferenc*)³⁰ (ср. также прекмурское название дня св. Ильи *sv. Elijaš* (20.07.) (Kuret 1967: 223), ср. словен. *Elija*, венг. уст. *Éliás*). За пределами рассмотрения остается такой мифологический персонаж как *garaboncijaš* имеющий венгерскую этимологию (Hadrovics 1985: 244) (венг. *grábančiás diák*) и распространенный среди народов Карпатского бассейна (ср. Ващенко 2014: 301–302; Плотникова 2016: 159–161). Рассказы о нем нам не встретились, лишь однажды возникло упоминание в разговоре с коллегами, которые занимаются этнографическими исследованиями. Выражение *stari led'en'* для обозначения старого холостяка (*legen, ledjenje, ledjenjove* отмечено в Порабье (Kozar Mukič – Mukič – Kroprej Telban 2017: 388) (венг. *legény* – парень; слово есть также в гуцульских диалектах Ивано-Франковщины – *stary legin' (parubok)* (LANDUL 1996: 59)), а также для маски во время проведения обряда *borovo gostüvanje*, также

30 В Прекмуре до сих пор распространены имена в венгерской огласовке (не только в названии праздников, дней святых): например, *Šanji, Mariš(ka)*. Следует сказать, что и в Закарпатье в некоторых районах (особенно в там, где проходит этническая граница с венграми) также известны «венгерские» имена: *Иван – Йанош* (Дзензелівський 1960: 267), *Марія – Морішка, Марішка* (Дзензелівський 1960: 268), *Олена – Глона* (Дзензелівський 1960: 269). В словаре банатских сербов отмечено имя *Шандор*, напротив которого приводится объяснение, что это мадьяризированный вариант личного имени *Александр* (Јованов 2005: 147).

можно отнести к терминам традиционной народной культуры, однако оно встретилось нам всего лишь один раз в Порабье, поэтому здесь мы его не рассматриваем. По этой же причине здесь мы не затрагиваем лексику *birof*–судья (*biróuf* (Novak 1996: 21), венг. *biró* – судья), маску персонажа во время карнавала. Глагол *verestüvati* в значении ‘бдение при умирающем человеке’ встретился несколько раз в разговорах на темы о похоронной обрядности. У В. Новак (Novak 1996: 165) эта лексема зафиксирована в форме *verostüvati* и указан венгерский источник – *virraszt* ‘бодрствовать, не спать, дежурить (у постели)’. Отмечает этот глагол среди лексики похоронной обрядности и Е. Пшайд: *varastüvati so ga cejlo nouč* (Pšajd 2017: 14–15).

15 В статье впервые анализируются заимствования из венгерского языка в сфере лексики традиционной культуры прекмурцев и порабцев. Унгаризмы из данной лексической сферы рассмотрены в ареальной перспективе – прежде всего в сопоставлении с южнославянскими языками и близкородственными языками Карпатского бассейна. Показана важность материала, собранного в полевых условиях, для фиксации новых слов и значений. Многие из представленных лексем ранее не были включены в лексикографические описания словенского языка, в том числе и в прекмурские словари (например, *turbaš*, *d'ert'aš*, *beliš*, *rovašivanje*, *buča*, *bosorka*), для тех же, что фиксируются в словарях, были отмечены новые значения (такие как у лексем *šarkan(j)*, *perec*, *fāšenki*, *fačuk(h)/fotif*), записанные в ходе проведенного полевого исследования.

Среди рассмотренных заимствований можно выделить исконные финно-угорские, тюркские, немецкие и латинские корни, а также слова с неясной этимологией. Было выявлено также внутрорегиональное ареальное распределение при функционировании унгаризмов (*turbaš/pozvačín*, *vrte(a)nik/perec*, *majuš/majušfa*, *čalarica/bosorka/comprnica*, *cintor/brütöf*, *d'ert'aš/merar*, *bele(i)š/repnjača (tikvača)*). Чаще всего граница проходит между регионом Горичко и другими районами Прекмурья, между двуязычными общинами Прекмурья и остальной территорией региона, либо между словенцами в словенском Прекмурье и словенцами в венгерском Порабье. Некоторые унгаризмы выходят за пределы прекмурской зоны и функционируют на территории Восточной Штирии (например, *adomaš*, *fačuk(h)/fotif*).

ЛИТЕРАТУРА

Валенцова 1999 = М.М. Валенцова, Деревце майское, в: *Славянские древности: этнолингвистический словарь* 2, под общ. ред. Н.И. Толстого, Москва: Международные отношения, 1999, 79–81.

[М.М. Valencova, Derevce majske, v: *Slavjanske drevnosti: ètnolingvističeskij slovar'* 2, pod obšč. red. N.I. Tolstogo, Moskva: Meždunarodnye otnošenija, 1999, 79–81.]

- Валенцова 2018** = М.М. Валенцова, Славянская мифологическая лексика карпатского региона: генезис особенностей (этнолингвистический аспект), в: *Славянское языкознание: XVI Международный съезд славистов, Белград 20–27 августа 2018: доклады российской делегации*, Москва: Институт славяноведения РАН, 2018, 417–435.
[М.М. Valencova, Slavjanskaja mifologičeskaja leksika karpatskogo regiona: genезis osobennostej (этнолингвистический аспект), в: *Slavjanskoe jazykoznanie: XVI Meždunarodnyj s'ezd slavistov, Belgrad 20–27 avgusta 2018: doklady rossijskoj delegacii*, Moskva: Institut slavjanovedenija RAN, 2018, 417–435.]
- Ващенко 2014** = Д.Ю. Ващенко, Этнолингвистические материалы из села Шашка (западная Венгрия), в: *Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура: 2012–2014 3*, Москва: Институт славяноведения РАН, 2014, 278–306.
[D.Ju. Vaščenko, Этнолингвистические материалы из села Šaška (zapadnaja Vengrija), в: *Karpato-balkanskij dialektnyj landsaft: jazyk i kul'tura: 2012–2014 3*, Moskva: Institut slavjanovedenija RAN, 2014, 278–306.]
- Виноградова 2016** = Л.Н. Виноградова, *Мифологический аспект славянской фольклорной традиции*, Москва: Индик, 2016.
[L.N. Vinogradova, *Mifologičeskij aspekt slavjanskoj fol'klornoj tradicii*, Moskva: Indrik, 2016.]
- Дёмётёр 1977** = Т. Дёмётёр, Венгры, в: *Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы 2: весенние праздники*, отв. ред. С.А. Токарев, Москва: Наука, 1977, 189–201.
[Т. Dēmētēr, Vengry, в: *Kalendarnye obyčai i obrjady v stranah zarubežnoj Evropy 2: vesennie prazdniki*, отв. red. S.A. Tokarev, Moskva: Nauka, 1977, 189–201.]
- Дзэндзелівський 1958** = Й.О. Дзэндзелівський, *Лингвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР (лексика) I*, Ужгород, 1958.
[J.O. Dzendzeliv's'kij, *Lingvističnij atlas ukraїn's'kih narodnih govoriv Zakarpats'koї oblasti URSR (leksika) I*, Užgorod, 1958.]
- Дзэндзелівський 1960** = Й.О. Дзэндзелівський, *Лингвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР (лексика) II*, Ужгород, 1960.
[J.O. Dzendzeliv's'kij, *Lingvističnij atlas ukraїn's'kih narodnih govoriv Zakarpats'koї oblasti URSR (leksika) II*, Užgorod, 1960.]
- Јованов 2005** = Гордана Јованов, *Речник Срба у Банату: изреке, кетве, псовке и остале умотворине света банатског*, Панчево, 2005.
[Gordana Jovanov, *Rečnik Srba u Banatu: izreke, kletve, psovke i ostale umotvorine sveta banatskog*, Pančevo, 2005.]
- Лизанец 1992** = П.Н. Лизанец, *Атлас венгерских говоров Закарпатья I*, Budapest, 1992.
[P.N. Lizanec, *Atlas vengerskih govorov Zakarpat'ja I*, Budapest, 1992.]
- ОЛА 2015** = *Общеславянский лингвистический атлас: серия лексико-словообразовательная 10: народные обычаи*, отв. ред. Т.И. Вендина, Москва – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2015.
[*Obščeslavjanskij lingvističeskij atlas: serija leksiko-slovoobrazovatel'naja 10: narodnye obyčai*, отв. red. T.I. Vendina, Moskva – Sankt-Peterburg: Nestor-Istorija, 2015.]
- Пилипенко 2011** = Г.П. Пилипенко, Некоторые аспекты изучения словенской речи преkmурских венгров, в: *Slovenica II: славянский межкультурный диалог в восприятии русских и словенцев*, Москва: Институт славяноведения РАН, 2011, 251–257.
[G.P. Pilipenko, Nekotorye aspekty izučenija slovenskoj reči prekmurskih vengrov, в: *Slovenica II: slavjanskij mežkul'turnyj dialog v vosprijatiji russkih i slovencev*, Moskva: Institut slavjanovedenija RAN, 2011, 251–257.]
- Пилипенко – Ясинская 2018** = Г.П. Пилипенко – М.В. Ясинская, Язык и культура словенцев в Прекмуре и Порабье, *Славяноведение* 2018, № 6, 60–73.
[G.P. Pilipenko – M.V. Jasinskaja, Jazyk i kul'tura slovencev v Prekmur'e i Porab'e, *Slavjanovedenie* 2018, no. 6, 60–73.]
- Плотникова 2009** = А.А. Плотникова, *Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала*, Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 2009.

[A.A. Plotnikova, *Materialy dlja ètnolingvističeskogo izučeniya balkanoslavjanskogo areala*, Moskva: Institut slavjanovedeniya i balkanistiki RAN, 2009.]

Плотникова 2016 = A.A. Плотникова, *Славянские островные ареалы: архаика и инновации*, Москва: Институт славяноведения РАН, 2016.

[A.A. Plotnikova, *Slavjanskije ostrovnye arealy: arhaika i innovacii*, Moskva: Institut slavjanovedeniya RAN, 2016.]

Плотникова 2018 = A.A. Плотникова, «Водные хорваты» и специфика их традиции: обзор этнолингвистической экспедиции, *Славянский альманах 2* (2018), № 3–4, 408–421.

[A.A. Plotnikova, «Vodnye horvatu» i specifiika ih tradicii: obzor ètnolingvističeskoj èkspedicii, *Slavjanskij al'manah 2* (2018), no. 3–4, 408–421.]

ПМА = полевые материалы автора

[PMA = polevye materialy avtora]

РСГВ 1–10 = *Речник српских говора Војводине 1–10*, ур. Драгољуб Петровић, Нови Сад: Матича српска, 2000–2010.

[*Rečnik srpskih govora Vojvodine 1–10*, ur. Dragoљub Petroviћ, Novi Sad: Matica srpska, 2000–2010.]

Усачева 2008 = В.В. Усачева, Этнокультурная и языковая интерференция в карпатском регионе, в: *Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура: памяти Галины Петровны Клепиковой*, Москва: Институт славяноведения РАН, 2008, 158–179.

[V.V. Usačeva, Ètnokul'turnaja i jazykovaja interferencija v karpatskom regione, v: *Karpato-balkanskij dialektnyj landsaft: jazyk i kul'tura: pamjati Galiny Petrovny Klepikovej*, Moskva: Institut slavjanovedeniya RAN, 2008, 158–179.]

DBKW 1982 = *Deutsch-burgenländischkroatisch-kroatisches Wörterbuch*, bearbeitet von Nikolaus Bencsics u. a., Eisenstadt – Zagreb, 1982.

Dudás 2011 = Előd Dudás, Madžarski jezikovni vplivi v besedišču Martjanske pesmarice, *Jezikoslovni zapiski* 17.1 (2011), 35–72.

Dudás 2015 = Előd Dudás, Morfonološko prilaganje madžarskih izposojenk prekmurskega knjižnega jezika in njihove besedotvorne značilnosti, *Jezikoslovni zapiski* 21.2 (2015), 85–98.

ERHSJ 1–4 = Petar Skok, *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika 1–4*, Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1971–1974.

Gregor 1975 = Ferenc Gregor, *Der slowakische Dialekt von Pilisszántó*, Budapest: Akadémiai Kiadó, 1975.

Hadrovics 1985 = László Hadrovics, *Ungarische Elemente im Serbokroatischen*, Budapest: Akadémiai Kiadó, 1985.

Houtzagers 1999 = Peter Houtzagers, *The Kajkavian Dialect of Hidegség and Fertőhomok*, Amsterdam – Atlanta, GA: Rodopi, 1999 (Studies in Slavic and General Linguistics 27).

Koletnik 2005 = Mihaela Koletnik, Prekmursko lončarsko besedje v Filovcih, v: *Razvoj slovenskega strokovnega jezika*, ur. Irena Orel, Ljubljana: Center za slovenščino kot drugi/tuji jezik, 2005 (Obdobja 24), 497–514.

Kozar Mukič – Mukič – Krojej Telban 2017 = Marija Kozar Mukič – Dušan Mukič – Monika Krojej Telban, *Pripovedno izročilo Slovencev v Porabju: pravljice in povedke z zvočnih posnetkov Milka Matičetovega*, Ljubljana: Inštitut za slovensko narodopisje, 2017.

Krojej 2008 = Monika Krojej, *Od Ajda do Zlatoroga: slovenska bajeslovna bitja*, Ljubljana – Celovec: Mohorjeva založba, 2008.

Kuret 1967 = Niko Kuret, *Praznično leto Slovencev: starosvetne šege in navade od pomladi do zime 2: poletje*, Celje: Mohorjeva družba, 1967.

LAHDUL 1996 = *A Lexical Atlas of the Hutsul Dialects of the Ukrainian Language*, compiled by Janusz Rieger, Semper, 1996.

MNL 1–5 = *Magyar néprajzi lexikon 1–5*, Budapest: Akadémiai Kiadó, 1977–1982.

MNyÉSz 1–7 = *A magyar nyelv értelmező szótára I–VII*, Budapest: Akadémiai Kiadó, 1959–1962.

MNyTESz 1–4 = *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára 1–4*, Budapest: Akadémiai Kiadó, 1967–1984.

- Novak 1996** = Franc Novak, *Slovar beltinskega prekmurskega govora*, ur. Vilko Novak, Murska Sobota: Pomurska založba, 1996.
- Novak 2006** = Vilko Novak, *Slovar stare knjižne prekmurščine*, Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2006.
- Pleteršnik 2010–2014** = Maks Pleteršnik, *Slovensko-nemški slovar*, spletni izdaji 2010, 2014, prva izdaja 1894–1895 (<https://fran.si/136/maks-pletersnik-slovensko-nemski-slovar>).
- Pšajd 2017** = Jelka Pšajd, *Čez ta prag me bodo nesli, ko zatisnil bom oči: smrtne šege in pogrebne prakse Pomurja in Porabja*, Murska Sobota: Pomurski muzej, 2017.
- Rajh 2010** = Bernard Rajh, *Gučati po antújoško: građivo za narečni slovar severozahodnopreškega govora*, Bielsko-Biała idr., 2010 (Zora 73).
- Ramovš 1935** = Fran Ramovš, *Historična slovnica slovenskega jezika VII: dialekti*, Ljubljana: Učiteljska tiskarna, 1935.
- RSKJ 1–6** = *Rečnik srpskohrvatskog književnoga jezika 1–6*, Novi Sad: Matica srpska – Zagreb: Matica hrvatska, 1967–1976.
- Snoj 2015** = Marko Snoj, *Slovenski etimološki slovar*, spletna izdaja, 2015 (<https://fran.si/193/marko-snoj-slovenski-etimoloski-slovar>).
- SSKJ 1–5** = *Slovar slovenskega knjižnega jezika 1–5*, Ljubljana: SAZU, ZRC SAZU – DZS, 1970–1991.
- SZP 2017** = *Slovar zvonjenja in pritrkavanja*, ur. Mojca Kovačič idr., Ljubljana: Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša – Glasbenonarodopisni inštitut, 2017.
- Štebih Golub 2010** = Barbara Štebih Golub, *Germanizmi u kajkavskome književnom jeziku*, Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2010.

POVZETEK

Madžarizmi v besedišču ljudske kulture Slovencev v Prekmurju in Porabju

V prispevku so analizirane izposojenke iz madžarskega jezika v besedišču ljudske kulture v prekmurskem in porabskem narečju. Madžarizmi so bili zbrani v času terenske raziskave v Prekmurju in Porabju leta 2018, njihov pomen in raba pa sta bila preverjena v leksikografskih virih. Analizirane besede so obravnavane v luči arealnega jezikoslovja – v primerjavi z južnoslovanskimi jeziki in sorodnimi jeziki Karpatske regije. Veliko prevzetih madžarskih besed prej ni bilo vključeno v leksikografske vire slovenskega jezika in tudi ne v prekmurske slovarje (na primer *turbaš*, *d'ert'aš*, *beliš*, *rovašivanje*, *buča*, *bosorka*), za nekatere so bili evidentirani novi pomeni (na primer *šarkan(j)*, *perec*, *fāšenki*, *fačuk(h)/fotif*). Med prevzetimi besedami lahko najdemo besede ugrofinskega in tudi turškega, nemškega, latinskega ali neznanega izvora. Avtor ugotavlja, da znotraj Prekmurja in Porabja madžarizmi funkcionirajo v posameznih arealih (na primer *turbaš/pozvačin*, *vrte(a)nik/perec*, *majuš/majušfa*, *čalarica/bosorka/comprnica*, *cintor/brūtof*, *d'ert'aš/merar*, *bele(i)š/repnjača (tikvača)*). Meja med areali poteka med Goričkim in ostalimi deli Prekmurja, med Slovenci v Prekmurju in Slovenci v Porabju ali med Slovenci na dvojezičnem območju Prekmurja in tistimi iz ostalih delov Prekmurja. Nekatere besede madžarskega izvora se uporabljajo zunaj meja Prekmurja (na primer *fačuk(h)/fotif*).